

ГНЕЗДО ПЕВЧИХ ПТИЦ

«Гнездо певчих птиц» — прозвище английских лирических поэтов эпохи королевы Елизаветы I. «Джонсон сам был поэтом и с особым удовольствием говорил о том, сколько питомцев Пембрука стали поэтами. „Сэр, мы же гнездо певчих птиц“, — с гордой улыбкой заметил он»¹. Публикуемые сонеты (в переводе Л. Фокина) принадлежат перу современников У. Шекспира.

Уильям Алебастр²

* * *

То в жар бросает, то озноб... То — зло
От дьявола, двух крайностей смешенье.
В нем вождельня огонь, в нем лед томленья,
чтоб вместе омрачать Христа чело.
Пусть крайность спорит с крайностью зело,
Горячая любовь Христа прозреньем
В моих слезах растает и прощенья
В холодный страх и стыд вдохнет тепло.
Пусть жаркий стыд остудит мыслей рой,
А слез холодный жар согреет душу...
В тот благодатный мир врата открой,
Здесь плач без слез, а боль темней и глуше.
Скажи, краснеть научатся когда
И стыд от слез, и слезы от стыда...

¹ «Being himself a poet, Johnson was peculiarly happy in mentioning how many of the sons of Pembroke were poets, adding with a smile of sportive triumph: „Sir, we are a nest of singing birds“» (J. Boswell. The Life of Samuel Johnson, vol. I, 1730).

² William Alabaster (1567–1640) — английский поэт, драматург и писатель-богослов.

* * *

Друзья, суждений ваших слепота
От доброты... Скрывает наказание
Усердие, но шепчет состраданье:
Удар судьбы умней вас, вот — черта.
Я с ней знаком, и вот вам счет до ста:
Любовь, надежда, слава, ожиданье,
Загубленная жизнь, тюрьма, скитанья,
Что дальше? Коль не смерть — позор, нужда...
Все это превращает чувства в сталь.
Потери не страшны, и жизнь не жаль,
Теперь отравит что во мне мой разум?
Но не бесчувствен я, не мертв душой,
Не болен ни злодейством, ни проказой...
Двойную скорбь прими, Христос... со мной.

* * *

Господь, я все оставил позади:
Себя, надежды... Нынешняя легкость —
Сладчайшая болезнь исканий, стойкость
К природной слабости в моей груди.
В ней и раскол, и связь. Не навреди,
В порыве чувств возвысив одинокость,
Иных желаний не нужна громоздкость,
Без них смогу Твою любовь найти.
Ударом молнии меня срази,
Пролилась чтобы кровь с огнем из раны.
Огонь, в любовь мой дух преобрази,
Стань, кровь моя, огню небесной манной.
Пусть сытит кровь огонь, огонь кровь льет.
Желать и обладать, смешав черед.

* * *

Масличная гора, душа моя
Возносится к твоим святым пределам,
Чтоб веры свет питать собой, чтоб смог он
Прозреть заставить темные края.
Тот путь для всех и каждому стезя.
Он дан Христом, мощен Христовым телом,
Но век за веком он все больше скомкан,
Его пройдя не раз, увидел я:
Придуманные ложные завалы,
Что во языцех глупых скорбью стали...

Но светлячков в траве не меркнет свет.
И те, кто счел любовь за недостаток,
От дьявола ли их земной упадок?..
Но новостей об этом, право ж, нет.

* * *

Из адской бездны Иисус воскрес.
Но кто ты, молвить чтоб «Христос воскрес»?
Для слов святых, кто в этом мире честен,
Чьи души с Ним летят за край небес?..
Желанья чьи, проявленные здесь,
Пресуществились к самой высшей мессе,
Здесь чья любовь питает свет небесный,
Чтоб утверждать: Христос в нем не исчез.
Он мертв, в холодном сердце, Он распят
В нем сотни раз. Не дьявол виноват,
Что радость многих сделалась напрасной,
Путь — ложным, доказательство — ужасным...
А Он, оставив их порочный град,
Все дальше в вознесении прекрасном.

* * *

Господь, когда Тебя оставят все,
Я все ж умру, Твоей подвластен воли.
Я Твой всецело со смиреньем, с болью
Я Твой и там, и здесь, прими мой путь.
Господь, когда Тебя оставят... Мне
Позволь быть рядом, насладиться долей
Божественной любви и малой ролью.
Ты сердцем стал моим, Ты — соль, Ты — суть.
Так думал Петр, так размышляя, пал,
Предупредив сомненья, их запал.
Но все ж во мне надежды упование,
Скажи мне: верю и приму терзанья
Твоей души. Чтоб в вере той сбылось —
Смог говорить, как говорил Христос.

* * *

Земля, в том восхитительном раю,
Кедровых рощ дождемся ли рожденья?..
В бесплодном чреве, проклятом паденьем,
Всяк человек есть шип. На том стою.

Грех небо примеряет к острию,
До этого Христа обвинив мученьем,
Венцом его венчав без сожаленья.
Но кто бы понял славу жертвы той?..
И наземь пала кровь с небес дождем,
Нас превратив в шипы растений черних,
Чтоб пробудить в нас памятью о Нем,
Желание очиститься от скверны.
 Чтоб верили, тернистый грех изжив,
 Роз добродетель в длань Его вложив.

* * *

Для сотворенного в ней Вечность — чрево,
В ней не постичь глубин, в ней дно без дна.
В ней нет начал. Но прожиты века.
Ей нет конца. Но неба выщвел невод.
Соединенная неразделенным
Одним движеньем метя времена,
Все помыслы ее — одна река,
Единый Бог, ей давший все законы.
Моей души вплети в клубок тот нить,
Чтоб смог переосмыслить жизнь и время,
Во всех своих поступках уловить
И в мыслях прорастить святое семя.
 Все, что вокруг, во мне с рожденья — зло.
 Но я иду, чтоб зло изнемогло.

* * *

В начале сотворенного был Бог.
Конец времен был вверен человеку.
Потока два в одну смешались реку.
И Бог, и человек — один поток...
Замкнулись в круг единый два кольца:
Одно с Христом, принявшим с бледным ликом
Печать божественности, а второе
С сияющей печатью Божества.
Так в два кольца вживите бриллиант,
Свяжите в узел, чтоб едины стали:
Миг с вечностью, омега с альфой, квант
Души и света на одной скрижали.
 С талмудом ангелов, с усердьем ста
 Превысим ли познания Христа?

* * *

Противоречий узел — человек.
В нем небо и земля, сон и боренье,
Любовь Христа, Его благословенье,
Смерть сердца, пустота и тяжесть век.
И все же мой еще не кончен век,
Еще тревожен мыслей рой в движенье
И разум солнца дарит возрожденье,
Вскрывая зимний лед глубоких рек.
Но все же страх сковал смятеньем душу,
Днем равноденствия добра и зла,
Чтоб радость вознесения обрушить
На самые бесплодные поля.
Молюсь я: Господи, да будет воля
Твоя... моей судьбой в земной юдоли.

* * *

И ты, беззвездна ночь в сетях страстей.
Земная твердь пасть в небеса готова.
Христос священный гимн, святое слово
Обрушил на врагов, их сад камней.
Дав созерцанье огненное дней
Любви и радости, душе и чувствам,
Не бойся быть Его рабом, все грусти
Открыв Ему, не станешь ты бедней.
И мной обет был дан, и я был призван
Запечатлеть в себе Христову смерть,
Наполнить книгу не томленьем тризны —
Сиянием сонетов, божьих черт...
...И мысль небесной музой восплает,
И самый древний лед в огне растает.

Король Иаков I³

* * *

К величию воззвав сынов Эллады,
Гомера слог звенит из тьмы веков,
И Цезаря в веках сверкают латы,
В стихах Марона Рим и марш полков.

³ James I, King of England and Ireland (1566–1625).

С вершин Парнаса ли нектар холодный
Нимф театральных жажду утолит...
Затмит всех Александра дух свободный
И Августа неустрашимый вид.
О Феб, тебя я мог бы как наследник
Призвать помочь, дать силы мне воспеть
Героев, но во временах последних
Таких не знаю, не было и нет.
Смиренно отложу перо поэта,
Нет на челе царей венца из света.

Джайлс Флетчер-Старший⁴

* * *

Всесильно время. Башен грозный вид
Среди руин найду теперь едва ли.
Герб с розой белой, с лилиями сбит.
Пуст трон монарший. Ветром дуб повален.
Реки не тронуть. Высохла до дна.
Кремень распался, горы стали ниже.
Прижизненная слава, где она?..
В земле бесплодной, ядовито-рыжей.
Зерно взойти не сможет. Солнца свет
Окаменеет, став ступенью в бездну.
Мысль злая сердце гложет. Счастья нет.
Богатство — беды. Позабыты песни
Из сладких сказок. В памяти моей
Лишь образ твой не тронут дымкой дней.

Николас Бретон⁵

* * *

Господь, Твою я оскорбивший волю,
В том пребывающий который год...
Смотри на боль мою и мучай болью,
Не позволяй найти душе исход.
Пусть горький умный, чувствуя подмену,
Не порождая удовольствий тлен,
Увидит то, как скудной мыслью в венах
Небесное ползет в острожье стен.

⁴ Giles Fletcher the Elder (1549–1611).

⁵ Nicholas Breton (1545–1626).

Когда греховный совершен поступок,
То в прошлом остается темный след.
Раскаянью стенанья не уступят,
Сонм темных жалоб застит веры свет.
 О Иисус, прости, не дай обидеть,
 Ведь я лишь то, что Ты желаешь видеть.

Уолтер Рэли⁶

* * *

Полгода — вечность и громады стен.
Ни радости, ни снов правдивых — тленье.
Дни заблуждений, в них любовь лишь плен,
То, что имело цену, стало тенью.
Ни наслажденья, ни иных страстей.
Мой разум в горе ищет свет мгновенья.
Я одинокий странник без путей,
Но не преступник. Солнце стало тенью.
В чужой стране о смерти не скорбеть.
Я причитаю в горестных сомненьях:
Мне не вернуть, я знаю, славы медь.
Всего, что было, нет, все стало тенью.
 О холодах над башней скрип флюгарки,
 Уходит время, но его не жалко.

Перевод Л. В. ФОКИНА

Леонид Владимирович Фокин родился в 1963 году. Образование высшее (ВЗИТЛП). Поэт, журналист, исполнительный директор Школы сонета. Автор книги стихов «Сто посвящений несбывшейся мечте Гарсиа Лорки» (Торонто, 2018). Публиковал стихи и статьи в журналах и антологиях. Лауреат международной премии им. П. Вегина (2008). Лауреат международной премии «Серебряный стрелец-2008 и 2009». Живет в Москве.

⁶ Walter Raleigh (1552–1618).